

Елена КАДОМЦЕВА

Родилась в 1986 году в Троицке Челябинской области. Окончила филологический факультет Челябинского госуниверситета. Работала учителем в колледже и школе.

Участник Всероссийской мастерской для начинающих писателей АСПИР (декабрь 2022 г.). Живет Челябинске.

АНГЕЛЫ ГОРОДА ЕЦКА

У каждого города есть свои призраки.

Эле казалось, что у Ецка, накрытого противоракетным куполом и застрявшего между двух империй на долгие девять лет, призраков было больше, чем живых. За годы обстрелов в куполе появились бреши. Снаряды падали на улицы, уродуя город, и превращали его жителей в призраков. Те, кто ушел из города в надежде защитить его, потом тоже возвращались. Невидимые почти для всех, они приходили вязью воспоминаний. К родным. К матерям, умеющим ждать как никто другой, к слишком рано повзрослевшим детям. К жёнам с выцветшими глазами и ломкой, кривоватой улыбкой на губах, с беглой сигареткой – затянуться, чтобы не расплакаться.

Ещё о них помнили те, кто вернулся живым. Они помнили о всех – и за всех. Но делиться воспоминаниями могли только с ночью, заглядывавшей в окна (ещё не везде заново застеклённые, прикрытые фанерками, затянутые плёнкой, хлопающей на сквозняке). Смотрели, как листья пятнают жёлтым мокрый асфальт, сжимали немеющие пальцы в кулак.

Что они видели под дождём? Серые тени? Едва ли. Их память хранила живые лица. Тени видела только Эля. Даже не видела – чуяла. Осень выдалась стылой, и Эля думала: это потому, что их очень много здесь. Они приходили прощаться. Отогревались о взгляды родных, об осколки прежней жизни, бережно хранимой и возрождаемой сейчас, и становились всё тоньше, прозрачнее, поднимались ввысь – за облака, набрякшие дождём. Теплели души. Уходили в иные дали.

Живым было сложнее согреться. Можно было заколотить щели в домах, повесить окна одеялом, раздобыть буржуйку, если коммуникации перебило. Но... Душу согреет только родная душа. Люди за годы войны вели себя по-разному. Некоторые сбивались в стаю, узнавали наконец, кто живет на верхнем этаже, в соседнем подъезде, в доме за углом.

Пережить обстрелы приходилось в самых разных компаниях. Выстаивать очереди за водой – тоже. Общая беда стирала внешний налёт индивидуальности, сметала личные границы, обнажала нутро. Просвечивала тебя как рентген. И на контрасте очень хорошо были видно сердце. Насколько оно у тебя большое. Есть ли оно вообще? Бьётся ещё?.. Разделишь с соседкой пятилитровку? У неё ведь нет никого, а сама она дальше двора не ходит – ноги, варикоз, зрение на нервной почве упало... Или сбежишь в свою конуру? А потом удивись шаркающим шагам: «Элечка, мне здесь гостинец передали...».

Были и те, кто, иссечённые потерями, усохшие от страха и ожидания, выпадали из этой парадигмы всеобщей поруки. Они просто не могли приблизиться ни к кому другому. Смотрели словно из тоннеля на свой город и жизнь, которая пыталась вернуться на прежние рельсы. Мирные.

Да, над городом больше не летают ракеты. Не нужно пригибать голову и втягивать её в плечи, чтобы сбежать за хлебом или в аптеку. И сводки в чате t-ма читать больше не нужно.

Можно слушать птиц утром и мелкими глотками цедить кофе. Невозможно горький. Роза не умела его варить. Но она вставала первой – на смену в больницу. А Эля, изглоданная бессонницей, как раз засыпала перед рассветом. Но кофе они успевали выпить вместе. У окна с вечно приоткрытой форточкой – для Боцмана, полосатого кругломордого кота, с покоцанным ухом и обмороженным кончиком хвоста. Раньше он приходил к бабушке Валентине в 57-ю, а когда она однажды не вернулась, попросился к Розе.

Потом к Розе пришла Эля. Кот великодушно принял и её – лишь бы кормила и гладить не забывала. Сегодня он застал Элю одну на кухне и тут же взобрался к ней на колени. Так они и просидели до тех пор, пока Роза не прибежала на обеденный перерыв.

Из левого глаза у Эли бежали слёзы – вся щека была мокрой. А правый был сух и привычно уже обездвижен, только шрамы покраснели и припухли.левой рукой она гладила Боцмана между ушей, а правая удачно спряталась у него под боком. Культя ныла в сырую погоду.

Елена – Эля – Евгеньевна Сидоренко наполовину ослепла, но ей повезло: она родилась левшой, поэтому, потеряв правую кисть, не утратила привычные навыки. С Розой Берг они учились вместе в медицинском колледже. Окончив, Эля уехала в далёкий северный город к парню (с ним не сложилось). А Роза вышла замуж здесь, в Ецке. Муж её ушёл добровольцем. До мира он не дожил три года. Роза не была на передовой, осталась в роддоме, там тоже не хватало рук. А Элька, вернувшаяся, как только узнала, что Ецк попал в тиски, пошла туда вслед за братом. Брата успела найти, а спасти не успела. Вместо брата были десятки других – юных и не очень, изломанных, изрезанных осколками, обожжённых, но не сдавшихся. «Бросай меня, – хрипели они. – Уходи». В Эле было пятьдесят килограмм живого веса и славное спортивное прошлое за спиной. Эля не умела бросать.

Они, конечно, ругались. У неё не хватало дыхания отвечать. Только улыбаться.

После первой контузии её перевели в госпиталь, в город. Там уже хватало дыхания и на улыбки, и на песни. Эля напевала, усевшись между кроватями, рассматривала квадраты лунного света на полу, что выписывали узор поверх ромбов линолеума. Отодвигала подальше таз с неубранными бинтами. Пятна на них были чёрными под луной. Ржавыми – под лампочкой.

Эля тогда ещё не курила. Но голос все равно садился – от усилий и подступавшей к сердцу горечи. Она пела колыбельную. Которую мама напевала ей и брату. Одну и ту же мелодию. Теплую, как детство, оставшееся далеко позади.

...Гули, гули, гуленьки,
сели возле люленьки...
Сели гули на кровать,
стали гули ворковать,
при-го-ва-ри-вать...

От всех остальных песен душили слезы. Тогда они ещё были.

Днём её мальчики слушали рэп. От него не щипало глаза.

Долго в госпитале она не смогла. Песни и весёлые – несмотря ни на что! – мальчишеские глаза будили душу. Они улыбались ей: «Не дрейфь, сестричка, прорвёмся!» Сжатая в комок душа расправлялась, как кусок бумаги, брошенный в угол. Было больно. Видеть их – изломанных и храбрившихся, терпеливых, упрямо привыкающих к протезам, скупых в разговорах с родными – чтобы не расстраивались!

И видеть других. Тех, кто попал сюда в плен. И знать, какой за ними тянется след. Не за всеми, конечно, но... Всё равно!

Там, между взрывами, под кажущимся бесконечным дождём осколков, не успевало болеть. Надо было просто делать свою работу. Быстро, слаженно, без лишних вопросов – к себе и другим. Мужчины так работали из года в год. Им некуда было отступать. Ецк был в тисках. Союзники не брали к себе. А к тем, кто забрасывал город снарядами, не хотелось – даже через едва маячивший мирный путь. Сёла и деревни вокруг переходили из рук в руки. Кто не успел уехать, устали бояться. Душа, издёрганная страхом и надеждой, напоминала обуглившуюся головешку: тронешь – рассыплется пеплом. Эти люди серели лицом и всё реже смотрели в небо. Они хотели слиться с землёй, прорасти в неё – вглубь, чтобы не выбило никаким снарядом.

Когда союзники наконец-то приняли Ецк и область, то бои вскипели с новой силой. Кровавой пеной окрасили дни. Злости с обеих сторон было не занимать. Тогда Эля и ушла второй раз на передовую. Душа, начавшая было расправляться, почернела. Горькие сводки. Переполненные палаты. Странные обмены...

Она знала, что если и в этот раз уцелеет, то кошмары, как волки, догонят ее. Выгрызут сердце. Вылижут кости. Она не знала, хочет ли уцелеть.

Мама умерла ещё до войны. Инсульт. Слава погиб в первый год... Папа дождался её. Его ни разу не зацепило, хотя дом посекло. Но его сердце – устало. И однажды он не проснулся. Яблони уже отцвели... Эля нашла записку в его старой телефонной книжечке (смешная дань памяти, ушедшей эпохи): «Ты к нам не торопись, дочка. Дождись мирного неба». Эля не дала слезинке сползти по щеке. Ушла штопать тех, кто своей кровью землю поливал, чтобы небо таким – стало.

Конечно, мальчишки её берегли. Они всегда берегут девчонок. Хоть и делают вид, что на равных. Эля платила им как могла за заботу. У неё были быстрые пальцы, верная рука.

«Если Элька заштопала, заживет как на собаке!»

Эля шила, приговаривая – жарким шёпотом поперёк сердечного стука. Во рту у неё пересыхало...

«Элька заговорит хворь и беду».

Но когда отступали от Лима, Эля не отвела свою.

Из окружения многие вырвались. Она осталась с теми, кто не успел. Кто остался лежать под звёздами, между рыкающих БМП. Эля знала, что как только рассветёт, куст ракиты не скроет их, не спасёт. Знала, что боец с дивным именем Нур, чья стриженная голова давит ей сейчас на колени, не доживёт до утра. Он истекал кровью, когда она его нашла. Он ничего уже не просил – губы побелели. Но когда притянула его к себе на колени, прошептала: «Мама». И она гладила по вискам и шептала: «Да. Сынок. Спи, родной».

Ночь разбросила над ними звёздное покрывало. Эля легла на спину, когда его не стало.

Когда рассвет пополз серыми пятнами по развороченным холмам, она тоже поползла. Она не знала, куда. Знала, что живой не дастся. У Нура была «расправа».

Овраг её спас, но лишил глаза – раскуроченная крыша УАЗа из склона торчала. Руку оторвало позже. Когда она бросила «расправу» в лицо тому, кто её к себе за ботинок тянул, сплевывая и воняя. Вывернуться и откатиться не успела, зацепилась правой рукой.

Подобрали свои, когда Лим возвращали обратно. Ругались сильно. Но Эля знала, за *что* руки и глаза не стало.

Эля штопала только своих. А тех, кто в госпиталь попадал «оттуда», кто шипел сквозь зубы «шлюха», когда она систему ему в вену вставляла, тех она не гладила по вискам. Им она такую «нитку» в рану вживляла, чтобы их потом ни на кого не обменяли.

«Небо стало мирным, папа. Смотри – не летит, не жужжит тихонько, воздух не замирает. Можно идти, папа, не торопясь. Дома ещё чёрные стоят, да. Их отмоют. Окна меняют быстрее – зима скоро. Те, кто дождался своих, возродят этот город, заново всё отстроят. Дороги перелатают, поправят заборы. Только у старого тополя не отрастёт верхушка. Дуб в парке тоже сгорел... Зато аллея липовая уцелела. Мама любила сидеть там, там она Славу по дорожкам катала. А меня уже нет. Я во дворе под окном спала в клетчатом одеяле. Я посажу вам всем липу и первоцвет. Чтобы родной запах не забывали. Слёзы бегут, папа, но мне не больно. Это всё кот – он зачем-то согрел меня, и из груди выскочила иголка. Развязался узелок. Вот и Роза смотрит, а говорить боится. Через стол тянет мне платок...»

Боцман, мурча, соскочил с колен, побежал к Розе – рыбу учуял в пластиковом контейнере. Минтай на овощной подушке. Эля помнила меню наизусть.

– Что, этот котяра и тебя растормошил? Я когда его подобрала – после баб Вали – две ночи ревела, он ложился под бок и тархтел. Сашку вспоминала, как он храпел, а я ворчала. Но знаешь... Полегчало на сердце. Дышать как будто легче стало.

Эля высморкалась, встала, разминая затёкшие ноги.

– Я пойду. Надо пройтись, сама еще не пойму, легче мне или нет.

– Ты бы спать легла. Бери полосатого и ложись. Ночью все равно опять спать не будешь. Смотри, тебя же из стороны в сторону ведёт!

Эля опёрлась о стену и рассмеялась.

– Знаешь, я когда в себя в больнице пришла, думала, я на оба глаза ослепла. Видела только серые тени вокруг. Много. Но потом всё меньше. Бледнели и улетали.

– Кто?

– Души. Тех, кто жил здесь, но не вернулся. Они прощаться приходят.

– Ну тебя! – Роза замахнулась крышкой контейнера, масляные капли упали на пол, Боцман бросился вылизывать. – Иди уже! Проветри голову. Элька, нет в этом городе мёртвых душ. Только живые.

А я кто? Мёртвая или живая? Уцелела – но для чего? От кошмаров бежать? Видеть раз за разом, как гаснет взгляд, вспоминать ледяные пальцы, вспоминать, что от некоторых только пальцы и остались... Живые строят город. Помогают друг другу. Они не для этого девять лет выживали – чтобы сейчас умереть. Мужчины – словно сжатые пружины – они до сих пор в строю. Когда увидят, что дом отстроен, что детям есть где есть, спать, учиться, тогда улыбнутся, похлопают по плечу и однажды наутро не проснутся – кончился завод. Они точно знали, зачем идут на войну. Не выбирали, не метались, не разменивались, делали дело. Не таили большего зла, чем злость удара. Старухам на обочине отдавали паёк, детишкам – сахар, девочкам – улыбку. Молодые, у кого сердце поновее – не рубец на рубце, – поживут подольше. Родят сыновей, дочкам нежность свою подарят...

Поля в этот год зарастут травой. Потом мины вытащат и заново вспашут.

А я?

Быть живей, чем есть, слишком больно. В пальцах прежней силы нет. Зашивать и утешать. Да и пальцев теперь вполовину меньше.

Эля спрятала культю в карман.

Роза крепкая. Она ещё встретит парня. А не встретит – возьмет сиротку, и заживут втроём с котом. Роза добрая. Потому войной её и не перешибло надвое. Надо было мне тоже – в роддом. Тёплых крошечек мамам в руки передавать. Но Славка... Как бы он там без меня?..

Я не успела остановиться, далеко зашла... Далеко-о-о. Там черна вода. Птицы не поют... Волки по следам идут. Воют. Интересно, те туда же идут? Те, кто наутро не проснулся. У кого руки были по локоть в крови и кому было *мало*. Те, кого коснулась моя рука. Потому её и не стало...

Эля шла к липовой аллее. Посидеть между чёрными стволами на скамейке. Перевести дух и вспомнить наконец того парня – из своих! – который кричал начмеду: «Убери её отсюда! Убери! Не видишь, какой она стала?! Не пускай её в палату к ним!..»

Его на одну ночь положили в это крыло. Мест не было. Надя – с пустыми глазами – лечила одинаково всех. Ни слова. Сухо и без ошибки – быстрее переведут туда, где ждут суда. Эля так не смогла. Некоторых она знала слишком хорошо – по их делам. Некоторые сами выдавали себя, плюя ей на халат. Она никогда не выбирала – кого.

Новый парень, Матвей, не спал. Болела нога. Но не от боли он скрипел зубами: «Собаки. Мы вас живыми взяли. А вы кусаетесь, брешете, как и раньше брехали, и всё вспоминаете, скольким глотку и *как* рвали...» При нём псы затихли. Их пятеро было. Двое с синими от наколок руками, с пьяными от рожна глазами. Остальные, ошарашенные, больше молчали, иногда «спасибо» роняли, глаза отводили.

Эля сделала вечерний укол – потянулась «ниточка». Наутро один не проснулся. «Оторвался тромб», – скупно сказала. Матвей костылём выбил стекло в двери, кричал через весь коридор: «Борисыч! Забери её! Забери! Нельзя *так* делать наше дело!»

Эля помнила, какой чёрной волной захлестнуло тогда сердце – и оно омертвело.

За такого, как Матвей, она б и в огонь пошла. И шла! Вытягивала их из воронок. Живых, голубоглазых, честных – до пены у рта, умеющих

только в бою правду добывать, всё, что исподтишка – им поперёк горла. Но когда гонит такой – только бежать, захлёбываясь горечью и стыдом.

И она побежала.

Добрела до скамейки. Пока шла, слёзы высохли окончательно, голова кружиться перестала. Села тихонько, колени к подбородку притянула. «Живой он? Матвей. Увидел мирное небо? Простил... меня? Сходить к Наде, спросить, куда он попал после выписки?..»

Она долго сидела на ветру. Липы шелестели, роняли листья на чёрный асфальт, на гладкие, блестящие брусья скамеек. Фонари зажглись – через один. Накрапывал дождь – то сильнее, то тише. Похолодало. Рука ныла противно, сжать бы её в кулак... Если в Ечке живут только живые и ангелы, что родных навещают, то я его призрак. Полуживой, усталый. Без руки и почти без глаза. Строить новое уже не смогу. Забыть старое – ещё и не начинала.

Слава, мама, отец.

Саша Розин.

Баба Валя.

Нур.

Артём.

Александр Иванович.

Митько.

Лис.

Имена словно листья – тот же шум, только не вне, а во мне! В моей голове.

Папа! Небо – мирное! А я свой мир растеряла.

От аллеи до первой городской километра два. Лучше на трамвае... Но словно волной сорвало со скамейки, на пару секунд замерла, качнувшись с пятки на носок. Даже если смена не Надина, я всё равно найду и спрошу!

Господи! Пожалей меня! Я так устала!..

Он увидел её со спины. Но узнал сразу – стрижка та же, наклон головы. Пока перебежал дорогу, чуть не упустил из виду, её куртка мелькнула уже в самом конце аллеи. Надя говорила, что после травмы зрение на уцелевшем глазу сильно упало, что Эля почти не разговаривает, не спит... «Как её найти?!» – «Живет у Розки Берг, вот адрес, пиши».

Догнал только после следующего перекрестка, её немного занесло – с тротуара на мягкую землю под сбитый напрочь балкон. Схватил за плечо. Развернул к себе.

– погоди!

Так из рук рвутся птицы, а потом замирают, лишь сердце стучит хлестко – через всё тело.

Отдышалась. Смогла. Узнала. Он высокий такой. Исподлобья смотреть тошно, а в глаза... Уцелевшим одним... Ну, давай, поднимай! Только руку из кармана не надо, не доставай. Хорошенького понемножку.

– Эля, – он перевёл дыхание, но сердце не из-за бега заходится. – Эля, я нашёл тебя.

– Ты... искал?

– Да. Нельзя мне было прогонять тебя тогда. Не имел права... судить.

– Ты не судил, – улыбка, а внутри всё дрожит. – Ты правду сказал. Но... У всего своя цена. Я заплатила, что смогла, – она неловко дернула плечом в надежде освободиться.

Но он держал крепко, слушал внимательно, наклонясь. Каждое слово ловил – она шептала, голову в сторону отведя.

– Эля, я знаю всё. Не прячься. Я... и не такое видел. И ещё раз посмотрю.

Она медленно повернула лицо. Что ж смотри.

Но глаза зажмурила, не смогла.

– Эля...

Он, конечно, пальцем по шраму – не удержался. Жалеет? Злитесь внутри, что не защитил? Они все злились и отводили глаза, бессильно ругались. Только Аркадий Николаевич штопал и шутил: «Элька, тебе повезло. Ты левша, переучиваться не придется. А на правую протез выпишем. Из столицы!»

Разлепила веки.

– Ты простил меня?

– Я? Мне нечего прощать. Бог простит, Эля. Тебя и меня.

Где-то наверху хлопнула форточка. Посыпались крошки – прямо над его плечом. Голуби слетелись мгновенно. Будто ждали. Воркуя, клевали – кто быстрее. Эля поискала взглядом белого. В сумерках только его и видно.

– Проводишь меня? Я на Пролетарской живу.

– Пойдём.

Он наконец-то разжал пальцы, стискивающие плечо. Выдохнул. После первого квартала заметил, как она дрожит. Стянул куртку, укрыл. Сопrotивляться не стала, только кивнула: спасибо. Поправил на левом плече – сползала.

– Твои уцелели? – тихонько спросил.

– Нет. Мамы давно не стало. Слава... Брат. В первый год погиб. Папу полгода назад похоронила. А ты... Всех дома застал?

– Я доброволец. С Арала. Не уезжал, тебя искал.

– Теперь можешь ехать. Ведь ждут!

– Не знаю, – пожал плечами. – Мне эта земля родной стала.

– Как нога?

– Зажила.

– У Аркадия Николаевича легкая рука. Мне б с ним тоже повезло, если б было что пришивать, – она вытянула руку из кармана.

– Всё смеёшься. Даже когда не смешно.

– Я сегодня и плакала. Похоже, слишком живой стала.

– Эля... Я приду к тебе ещё?

– Приходи.

Дождь закапал сильнее. Они ускорили шаг, рука сама потянулась к руке – так верней. Не потерять. Не потеряться. Не оступиться. Подняться. Чувствовать у плеча плечо. Сжимать пальцы в горсти, поглаживать огрубевшими подушечками тонкую, словно пергамент, словно крыло бабочки, стянутую то ли от холода, то ли от ожога кожу...

Даже в глаза смотреть не надо. Смотреть можно в небо. Серое, мягкое от туч. Без всполохов и «фонарей». Чистое небо. Мирное.

– Эля, – чуть помедлил. – Ты таким его представляла?

Подняла взгляд.

– Не знаю, – повела головой. – Думала, будет лето, будет светло... И пушинки летят, в волосах застревают.

– Да, – он кивнул.

Эле показалось, где-то рядом упало на землю перо. Белое. Видно, снова кружит над городом голубиная стая, белые перья на небо роняя.

ШИПОВНИЧЕК

Наталье Борисовне Рубинской

1

Вчера купила у бабушки на остановке ведёрко шиповничка. Так она его назвала – шиповничек. «Хороший шиповничек уродился. Забирай весь, доченька. Целый куст растёт в полусадице. Забирай».

И Аня забрала всё. Ссыпала из ведёрка в пакет, а дома из пакета в кастрюльку. Старую эмалированную. С ёжиком на боку. Она осторожно перебирала крупные оранжевые ягоды с хвостиками на краю. Чуть посильнее надавишь, кожица прорвётся, и покажется мякотка. Смешное старое слово. Из детства. Бабушкино. «Мякотку не повреди. Осторожно клади, пальчиками не дави, во-от так». И Аня разжимала потную ладошку, чтобы шиповничек скатился в корзинку. Не так часто они с бабушкой ходили в лес собирать шиповник, но запомнились эти разы накрепко. Свежим осенним воздухом, паутинками на голых ветвях и сухих – высоких, с Аню – травах. Бабушкиным неспешным шагом – под стать Аниному. Всё в этих прогулках было соразмерно и неспешно. Наполнено спокойствием и теплом. Чай, над которым вилась струйка пара, пирожки, завернутые в платок, сыр, чуть масляный от того, что долго лежал на солнышке. В лес Аня ходила только с бабушкой. Родители обязательно отправляли её на летние каникулы, часто привозили на выходные. До её двенадцати лет лесные прогулки были их с бабушкой традицией. А потом бабушке стало трудно так далеко ходить. Она выходила только до магазина, потом на лавочку под окном, потом... Аня попрощалась с ней пять лет назад. Навсегда. Бабушкин дом в пригороде родители продали, деньги поделили на четыре части. Аня на свою долю взяла в ипотеку студию в новостройке. На краю леса.

Долго делала в ней ремонт. Приезжала в пятницу поздно вечером и часто просто лежала на надувном матрасе под торшером и читала. Или сидела на порожке балкона и смотрела через раскрытую раму, как облака по небу бегут. Квартира была на десятом этаже. Лениво тянула остывший кофе, потом наклеивала полосу обоев и снова ложилась читать. Но ремонт всё же был закончен, и Аня переехала.

И только тогда решилась пойти в лес. Гуляла много. Весь август и начало сентября. Встречала пожилые пары, пары с детьми, одиночек с собаками, одиночек на велосипедах, группы с теми же атрибутами... Возле леса было много новостроек. Но всё-таки он сумел остаться лесом. С птицами, полёвками, ящерками и даже лисьим семейством. Аня пообещала себе, что будет искать новые тропинки, а не только ходить по просекам. Будет ходить и осенью, и зимой (и, может, даже купит себе лыжи!).

Но вот уже ноябрь на подходе, листья сорваны ветром, она покупает ведёрко последнего перезревшего шиповника у бабушки на остановке, а в лес больше так и не сходила ни разу. Только смотрит на него из окна.

Аня разложила ягоды на противне и двух подносах. Расставила их на подвесных шкафах. И снова невольно вспомнила, как они с бабушкой развешивали сушиться яблоки, порезанные дольками и нанизанные на леску, натянутую на веранде. А вот шиповник совсем не пахнет. Аня бросила горсть ягод в стеклянный чайник, добавила ложку чая. Залила кипятком. Ягоды захороводили с чайками. Так шиповник, конечно, не настоится. Надо в термос, на ночь. Пусть. Зато красиво. Задёрнула плотные льняные шторы. Включила торшер и села в кресло вязать.

Опомнилась, только когда поняла, что руки сами вывели маленькую охряную шапочку в виде ягодки шиповника. Осталось только хохолок приделать. Аня покрутила её в руках. Зачем мне такая шапочка? На семь-восемь лет. Некому отдать. У сестры дочка ещё маленькая...

Аня отложила шапочку и пошла пить чай. Лопнувшие ягоды разбухли, заварка получилась бурой, с осадком. Из прозрачной кружки не попьёшь. Она сняла с крючка глиняную, пузатую, с листиками на боку. Чай кислил. Обжигал язык. Оставила недопитую кружку на столе. Вернулась к шапочке. Довязала хохолок. Разглядила нитки. Ну что ж. Если некому отдать, то будет лесу ответный дар.

Был поздний предзакатный час. Шапка лежала у неё в сумке. Аня шла по блёклому уснувшему лесу и искала глазами подходящее дерево, чтобы прицепить к ветке яркую охряную вещицу, но чем дальше шла, тем сильнее сомнения одолевали её: «Что ж она будет мокнуть под дождём и снегом? Потом застынет нелепым линялым комком... Что за глупость! Кто найдёт её в этом лесу? И не побрезгует снять с куста и надеть? Но ходят же здесь семьи с детьми, вдруг кому-нибудь приглянётся! Вдруг её шиповничек ладно сядет на светлую или тёмно-русую детскую головку? Может, тогда не в лес его нести, а дать объявление, на своей странице выложить? Не продавать даже, просто...»

Аня остановилась в растерянности. Солнце село. Самый край выглядывал над лесом. Насыщенный оранжево-красный закат. Голые ветви, торчащие сквозь листву колкие травы. Осень собрала почти все свои дары. Оставила только тяжелые рябиновые кисти птицам. Аня оглянулась. И куда она забрела? Успеет вернуться до полной темноты? Ох, хоть бы какой собачник встретился! В конце октября лесные прогулки манили лишь самых стойких. Она засунула шапку в карман и поспешила домой. Уставшая и запыхавшаяся вышла под фонари на влажный чёрный асфальт. И обнаружила, что шапку и перчатки обронила в лесу.

2

На следующий день она в лес не пошла – зарядили дожди. В одну из ночей дождь сменился снегом, подморозило. Аня достала зимние ботинки и варежки. Сложила высохший шиповник в высокую банку, а корзинку с нитками задвинула в дальний угол. Вдруг её руки самовольно свяжут ещё что-то такое же странное?

В лес она попала только в конце ноября. Уже лежал снег. Было свежо и тихо. Аня специально пошла днём, чтобы увидеть, как он преобразился – из блеклого коричнево-серого в белый, сверкающий, новый.

Но дошла до развилки, а руки уже замёрзли с непривычки. Постояла немного, решая, куда идти – направо к карьеру или налево к той полянке, где летом росла земляника.

Свернула к полянке. Дошла быстро, но с досадой заметила, как среди невысоких сугробов резвятся лабрадор и девочка. Аня любила собак да и с детьми обычно ладила, но сегодня ей хотелось остаться одной. Папа девочки стоял поодаль, говорил по телефону. Аня прищурилась, глаза слезились от снега и солнца, ей показалось, что на девочке была оранжевая шапка.

– Привет!

Девочка прибежала за собакой, а собака – за брошенной палкой. На девочке и правда была оранжевая шапочка. Та самая, которую Аня обронила в лесу.

«Вот она. Мой Шиповничек».

Аня улыбнулась.

– Привет.

У девочки были светло-карие яркие глаза, худенькое личико, куртка и штаны на вырост, а вот шапочка сидит как влитая.

– Это ты её потеряла? – девочка коснулась шапки рукой. – Брикен нашёл на дорожке. И перчатки. Мы за тобой бежали, но не догнали, не заметили, в какой дом ты свернула. Мы живём в семнадцатом.

– А я в девятнадцатом. Ты носи шапочку, не надо возвращать! Я ее связала просто так, в подарок кому-нибудь... А она сама нашла себе хозйку, – Аня снова улыбнулась.

Брикен рыл что-то в сугробе. Папа девочки продолжал говорить по телефону, но посматривал в их сторону, махнул ладонью – дождитесь, мол. Аня кивнула.

– Мы недавно сюда переехали, – сообщила Шиповничек. – Летом жили в центре вместе с другими, а потом Боря нашёл нам квартиру.

Аня недоумённо нахмурилась.

– С Брикеном нас не могли надолго оставить.

– Здравствуйте! – папа наконец-то закончил разговор и подбежал к ним, на ходу поправляя шапку.

Он был одет в черные лыжные брюки и камуфляжную куртку.

– Вы уже познакомились?

– Ой, нет, – Аня смутилась. – Я как-то забыла. Анна, – она протянула руку.

– Борис. А это Юля, – он на секунду прижал девочку к боку. – А пёс...

– Брикен, я знаю. Его Юля представила, – Аня рассмеялась.

– Вы уж простите, что мы присвоили вашу вещь, но Юльке она прям в пору пришлась. Вся одежда у нее на вырост, что уж выдали, – добавил он, на мгновение отводя взгляд.

Аня поспешила заверить, что шапка ей не нужна, носите на здоровье.

– Вы мастерица прямо, – улыбнулся Борис, щурясь на снег. – На заказ вяжете?

– Нет, я администратор в клинике, вяжу просто так.

– Очень красиво, – он посмотрел ей в глаза и коротко тепло улыбнулся – не смущённо, по-доброму.

Такой же кареглазый, как и Юля-Шиповничек, только уже по-зимнему бледный, как и все горожане. Юля выглядела более смуглой, словно летний загар ещё не сошел, что было, конечно, невозможно в ноябре.

– Часто гуляете в лесу? – продолжил он, рыхля снег носком ботинка.

– Нет. Не так часто, как хотелось бы, – добавила она поспешно.

– А мы – каждый день. Брикену надо побегать. Да и Юльке тоже. Целый день меня с работы ждут.

– А разве... – Аня смутилась, но продолжила. – Разве Юля не ходит в школу?

– Нет, – Борис внимательно посмотрел на неё. – На следующий год пойдёт.

– Понятно. Юля сказала, вы недавно переехали...

– Да, – он коротко кивнул и, засунув руки в карманы куртки, принялся обходить полянку, Аня смущенно умолкла и двинулась следом. Юля и Брикен утопали в сугробах. – Они одурели от счастья. Снег! Нечасто его видели раньше, чтоб так много и так рано.

– Это ещё мало! Там сразу трава. Надеюсь, к Новому году ещё нападает.

– Ждёте?

– Снег?

– Нет, праздник, – он снова тепло улыбнулся – как ни в чём ни бывало.

– Не знаю, – Аня пожала плечами. – Родители хотели в санаторий, сестра будет с мужем и свёкрами справлять, да в их квартиру больше никто и не поместится... Я ещё не думала, в общем, – закончила она.

– Юля ждёт. А я тоже не знаю, – он заметил, что Аня украдкой передёрнула плечами. – Замёрзли?

– Немножко. Легко оделась.

– Тогда надо побегать, – он озорно сверкнул глазами и потянул Аню на полянку, в самый снег. – Кто быстрее!

Аня, скованная многолетней привычкой «держать себя в руках и выглядеть прилично», оторопело сделала шаг, другой. От неловкости их спас Брикен. Оглушительно лающий и подпрыгивающий за палкой в руках Бориса – высокого, а палка ещё выше! – и Юля, хлопающая в ладоши, немножко неуклюжая в своей одежде на вырост и в яркой шапочке, присыпанной блестящим снегом.

3

Вернувшись домой, Аня первым делом полезла за корзинкой с пряжей. Она свяжет ещё одну шапочку. Потеплее. Можно двойную, а можно на флисовом подкладе. И ещё варежки! Видела где-то схему с новогодним рисунком. Надо перебрать нитки. А завтра снять мерки. Договорились, что Юля придёт после обеда посмотреть книжки (Аня перевезла от родителей все свои, включая детские), а то у них почему-то ни одной нет.

Аня сжала в руке моток ангорки. Вопросы крутились в голове: «Где их мама? Почему на Юле одежда с чужого плеча (мальчишеская куртка, ботинки)? Что за центр, в котором они жили раньше?».

Она гнала их. Не важно. Сейчас не *это* важно. Вот познакомится поближе – и спросит. А сейчас надо думать о том, чтобы пряжи хватило. И что испечь на завтра. Шарлотку? Брауни? Творожное печенье?..

Но в итоге ей не пришлось спрашивать. Борис пришёл за Юлей, когда уже темнеть начало. Согласился на чай, пока Юля вырезала бумажную Барби (у Ани нашёлся альбом среди книжек). Аккуратно отломил брауни (но он всё равно осыпался крошками на блюдец) и сказал, посмотрев Ане прямо в глаза:

– Мы беженцы.

Аня растерянно кивнула. А он всё смотрел: поняла ли, *откуда и почему?*

Не поняла.

– За новостями не следишь, да?

Аня снова кивнула, так и замерла с чайником в руке – долила воды, но ещё не включила.

– Понятно. Сейчас уже особо и не освещают. Это в первые месяцы шумели... – он махнул рукой и отправил целый кусок в рот, прожевал. – Но люди продолжают уезжать. Потому что бомбить не перестают. Хотя вроде бы догова-а-а-риваются. Кто-то верит, что скоро всё закончится. Я не стал ждать. Интернат Юлькин всё равно эвакуировали. Она сестрёнка моя, – пояснил он. – Не дочь. Ты сперва подумала, что дочка моя, да?

Аня снова кивнула и поставила-таки чайник на подставку, нажала на кнопку, он медленно зашумел.

– Родители... Мама и отчим. Они уехали ещё до того, как всё началось. Но не сюда. Не в эту сторону. В командировку, по гранту. Надолго. А у Юли не оказалось нужных прививок. Её на месяц в интернат отправили, потому что я тогда в другом городе ещё работал, не смог сразу её забрать к себе... Но когда их эвакуировали, то, конечно, сразу рванул следом. Всё бросил. Было бы желание, как говорится. Только Брикена прихватил. Вот так мы оказались у вас. Ты правда ничего не знала про бомбёжки и беженцев?

– Слышала. Но не вникала, – Аня опустила глаза. – Не все такие, как я, – добавила осторожно.

Борис согласно кивнул.

– Знаю, – дожевывал очередной кусок. – Нам здорово помогли в центре. Одежду дали, волонтеры квартиру съемную нашли, дешёвую, только за коммуналку. Продукты по первости выдавали. Но я работу быстро нашёл. Фотографирую. Технику с собой вывез.

Аня теперь видела, что он и правда молодой совсем. Не ровесник ей. В лесу одежда – с чужого плеча, безликая, универсальная – сбивала с толку. А сейчас он сидел перед ней в футболке с принтом, джинсах, с какими-то плетенками на запястье – это была его одежда, старая, еще из прежней жизни.

– Ты что молчишь-то? Ошарашена?

– Прости. Задумалась.

– Ты, может, другие новости читаешь? Что там у нас сплошные сепаратисты и террористы? Что давно пора прекратить?

– Н-нет! – Аня затрясла головой. – Я никакие не читаю и не смотрю. Совсем. Телевизора у меня нет.

– Незамутнённый разум, – Борис хмыкнул. – Как у Юльки. Она тоже вся в книжках и мечтах сейчас... Наверно, защитная реакция такая. Даже не спрашивает, почему мама не приехала.

– А она?..

– Получила вид на жительство. Командировка продолжается, – Борис прихлебнул остывший чай и грустно улыбнулся поверх кружки. – Юльку пока не требует к себе. Она химик. Очень умная. Трудоголик. Мы с Юлей от разных отцов, – сухо добавил он.

– Жалеешь, что уехал?

Он пожал плечами.

– Кроме Юли, у меня нет близких. А ей лучше здесь. Мои друзья... Почти все ушли воевать. Сепаратисты, которые никак не хотят быть смиренными. Хотят жить своим умом. Представляешь? – он говорил,

а дыхание вырывалось с легким присвистом, он старался выглядеть спокойным, но горечь прорывалась в словах. – Решили по-своему. А не как *удобно* всем остальным... Мне дали отсрочку. Я не мог отправить Юлю одну. Здесь я сразу опеку оформил, не знаю, чего там тянул. Надеялся, что мама всё же решится... Наверно.

– Ты хотел бы... вернуться? – Аня сама не поняла, как у неё вырвался этот вопрос.

Он посмотрел очень внимательно в ответ.

– Да. Если найдётся человек, кому я смогу Юлю доверить. Ты вот... Взяла бы её к себе?

Аня кивнула, чувствуя, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Чайник всё сильнее шумел за спиной.

– И Брикена? – он чуть усмехнулся.

Аня рассмеялась.

– Чуть не забыла про него! И его тоже возьму, если он будет слушаться. Только я не знаю, как оформить опеку и всё остальное... – зачастила она.

– А это уж моя забота, – он быстро поднялся, крошки посыпались с колен на пол. – Ты подумай ещё. До Нового года. Я как раз с документами разберусь. И от матери... согласие получу.

Аня смогла только кивнуть. Чайник у неё за спиной пиликнул – закипел.

Ночью она вышла на балкон – под звёзды. Поправила сползающую с плеча шаль, поглубже засунула ноги в тапочки. Смотрела и вдыхала морозный колкий воздух. Там, внизу, спал зимний лес. Лес, подаривший ей Юлю-Шиповничек, Брикена и Бориса. И надежду. На то, что долгий сон книжной девочки-мечтательницы, не смотрящей новости, кончился. Началась жизнь. Колкая – как этот воздух, на котором стынут пальцы, но настоящая. Не картонно-плоская, какой она жила, пока пять лет училась на менеджера, а после три года работала на перспективной должности. Её самой ведь почти и не было в этой жизни. Она спала, вяло реагируя на внешние раздражители – пробки в час пик, недалекость или зависть коллег, мелкие пакости и невеликие радости – новое платье, туфли по акции или духи из элитного отдела со скидкой и книги, конечно же, книги. Её отдушина...

И вот эти трое из леса сказали: хочешь жить по-настоящему? Да, будет непросто, вообще непонятно как. Наверно, временами шумно и утомительно, не посидишь вечерами в тишине, наверно, со стороны – дико. Взяла чужую девчонку на воспитание, а парень этот умыл руки. Что будет, если он не вернётся?! Ты представляешь хоть?!

Аня не представляла. Она видела только улыбку Юли, её широко распахнутые глаза – это правда мне? – её доверчивую нежность, прорастающую через отчуждение ребенка, выдернутого из одной жизни в другую. Она видела и непривычную ей твёрдость и честность в глазах Бориса. И надежду: неужели получится, неужели он разделит свою ношу и не надо будет метаться, выбирая – родина или Юля?

Чтобы увидеть это, ей понадобился один вечер. Один взгляд – душа в душу.

Так не бывает.

Да.

Мы разучились *так* смотреть и *так* жить.

Не высчитывая свою выгоду и удобство. Не опасаясь попасть впро- сак. Доверяя, а не выверяя.

Ты чудачка, Аня. Старая дева с клубками шерсти в корзинке. Ты поверила в чудо?

Она стиснула руки под грудью и закрыла глаза. Стало совсем холодно, озноб уже бежал по телу мурашками.

Сказала «да» незнакомому человеку. Но не на тот самый – заветный – вопрос. Вообще на другой. Но почему-то сердце в тот момент хотело выпрыгнуть из груди. И во рту пересохло. Нет, это был *тот самый* вопрос. На который не солжешь. Который связывает крепче обещаний. И пусть он видит в ней только подходящую для присмотра за ребенком женщину – не более, но почему-то она была уверена, что он волновался не меньше, спрашивая. Что ему было очень важно такую женщину наконец-то найти. Чтобы самому ехать туда, где он себя видел нужным. Необходимым. Что ж. Они не солгали друг другу ни в чём.

Стоя под звёздами и половинкой луны на балконе, Аня не знала, что далёкой войне, о которой почти перестали говорить по телевизору, суждено затянуться, а потом она перерастёт в большую и близкую. Что Борис повзрослеет, получит осколочное и контузию, но уцелеет, что Юля за это время поступит в первый класс и окончит девятый, что у неё самой появятся те морщины на лбу и у глаз, которые не скроет тональник, но улыбка останется прежней. Что она свяжет Юльке десяток шапок, а потом начнёт вязать носки на фронт. Брикен умрёт, когда Юля окончит среднюю школу. Они с Юлей будут плакать, обнявшись тесно-тесно. Борис даже успеет с ним попрощаться – приедет в отпуск. Он сделает сотни снимков на войне. Его руку начнут узнавать...

Всё это было ещё не здесь. Там – в небесной дали, сокрытое туманностями и метеоритными потоками. Не-ви-ди-мое. Возможное, если она сделает шаг навстречу новой жизни. Если выберет её сейчас. Как выбрала полчаса назад – сердцем.

Вжжжух. Аня задвинула раму. Вернулась в комнату, скинула на диван шаль, одним глотком допила остывший чай. Посмотрела на одиноко стоящее блюдо с крошками брауни. Она завернула Юле последний кусочек в бабушкину салфетку с мережкой. И помогла положить в её плюшевый рюкзачок.

На столе осталось блюдо Бориса.

Я, конечно, ещё подумаю до Нового года. Но мы оба знаем, что ответ не изменится ни за месяц, ни за два. Когда я ту шапочку вязала, я не знала, конечно, я ничего не знала, но сердце уже чувало. Шиповничек. Она наклонилась и подобрала клубок с пола. Спасибо, бабушка, за шиповничек. Я его обязательно в термосе заварю, когда снова в лес пойду. С Юлей и Брикеном, и Борисом.